

18+

ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК

Моментальное фото

СТИХИ, МИНИ-ВЕРЛИБРЫ

Дмитрий Близнюк
Моментальное фото.
Стихи, мини-верлибры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51690262

ISBN 9785449844613

Аннотация

В поэтическом сборнике «Моментальное фото» представлены мини-верлибры, хокку, зарисовки Дмитрия Близнюка. Лирические образные миниатюры, которые не вошли в рукопись будущей книги, но и отказались идти в огонь. Ибо они прекрасны.

Моментальное фото Стихи, мини-верлибры

Дмитрий Близнюк

Редактор Даша Якутия

© Дмитрий Близнюк, 2020

ISBN 978-5-4498-4461-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

весна пришла:

пора приводить душу в порядок,
красить ворота, рисовать гетры деревьям,
сгребать и жечь прошлогодние листья —
инфляцию осени.

и закидывать вялотекущие костры в небеса,
забрасывать кривые удочки дыма

в сумерки:

может, поймаешь воробья
или крик первой звезды.

***

грусть – легкая гравитация
прошедшего времени,
грусть притягивает тебя к прошлому,
и ты немного зависаешь,
словно задремавший Windows.

***

есть в чаепитии замедленный балет.
и ты дегустируешь минуты,
словно шоколадные конфеты с ликером
и с уютной глупостью.
и люстра бездыханно плавает в чашке,
как вареный осьминог.

***

щиток с баскетбольным кольцом
прибит к разлапистой березе.
о, как же березе охота поучаствовать в игре,
когда детвора возится с мячом.
но береза стоит прямо и гордо, неподвижно.
с сырыми синими небесами на тонких плечах —
в манто из меха голубого волка.

***

небо вечернее,
цвета расчесанной до варенья коленки.
спасибо велосипеду.

***

тяжело быть человеком —
это как читать Ремарка внутри танка.
а танк с утробным ревом несется на войну
или ищет самку бронетранспортера
для спаривания.

***

гостиница прилеплена к скале,
как жвачка к ножке школьной парты;
здесь с балкона открывается фантастический вид,
ты видишь мозг мира
с горными заснеженными полушариями.
и по ночам Млечный путь сияет над головой,
словно перемигивание одной великой,
бесконечной
мысли.

***

вечерело.
она включила на кухне свет,
подошла задернуть штору в окне
и засмотрелась на свое отражение в стекле.
раскрыла саму себя, как книгу или рояль.
Господи, как часто нам не хватает смелости
играть
свою мелодию жизни...

***

ты моя Греция.

с веткой омелы, с улыбкой.
и гладкой, кремовой, как у морских ракушек,
пустотой внутри.
с миллиардами долгов и величественным прошлым,
шустрыми гекконами на белых камнях
беспамятства,
с отвесной взъерошенной синевой моря.

***

разжигаешь камин, выманиваешь зверя огня
из вертикальной норы.
вот он спускается,
мягко ступая лапами дыма, дышит...
царапает закопченную стену когтем,
сопит и смотрит, изогнувшись, снизу вверх.
и я его подкармливаю деревянной треской.
зверь тысячелетий, сколько ночей
мы провели вместе?

***

пушистая сосновая тень —
будто и нет тени, и нет света.
собаки от жары высовывают языки,
вибрируют ими.
так дрожала доска на вышке в бассейне.
а прыгун сиганул шукой
в зеленый прозрачный бетон
июля

***

голова болела.
дирижабль, обклеенный осколками разбитых зеркал.
и слышно, как плачем исходит младенец у соседей.
голос дрожал, как металлическая линейка...
мы живем внутри фильма,
смотришь фильм, но отключен звук.
отключен смысл.
и мы только иногда
догадываемся —
зачем?
о чем сюжет...

***

зверь непонимания
живет в дальних залах души,
где красный сумрак и редко кто из гостей
забредает случайно туда.
ой, а это что?
и зверь непонимания издает рык,
утробный как в чугунной батарее,
протяжный и низкий, как приборой.
и гости пятятся,
притворяются, что им померещилось,
бегут к свету, где шум телевизора
и смех.

***

белая зависть, как школьный мел.

ты его грызешь исподтишка,
в организме не хватает кальция
успеха.

хилые крылья
вялые, как срезанные лопухи.
завидууй и грызи, и летай.

***

за работой ты не видишь жизнь.
за работой жизнь не видит тебя.
а потом вы встречаетесь:
кто ты?
но уже поздно знакомиться.

***

надежда меня обманывала чаще,
чем мужчины. надежда – седло,
которое таскаешь с собой без коня.
поводок, за который сам держишь
и тянешь.
сам и не можешь оторваться.
начал есть пломбир
и не можешь остановиться.
надежда – лавочка возле края пропасти.
сядь, покури...

***

война побила все вазы династии Минь,
все кувшины и майонезные банки.

а осколки перемешала.
вот, перебирай.
Минь, май, минералы.
а город всегда на видном месте,
как коробка с шахматами,
в которые никогда не играешь.

***

утром тапки возле кровати как пустые лодки.
Венеция линолеума.
мускулистая дева Мария
в тренажерном зале.
пыхтит с изогнутой штангой,
плечи как камни.
но чудо не произойдет —
нарушен гормональный договор.

***

цветной жир воспоминаний
не даст тебе умереть с голода после смерти
второй раз.
во всяком случае, не позволит умереть быстро,
пожирая свои воспоминания.
но все равно не хватит
и ты съешь всего себя.
а когда возродишься
в новом кричащем тельце,
то ничего не будешь помнить,
лишь жировики дежавю,

блуждающие в цветной темноте
бытия.

***

серые лица в парке сливаются в поцелуях,
словно капли ртути.
ночь входит в город – помпезно,
и, в тоже время тихо.
входит хищный гигантский рояль —
черный, лаковый, на драконьих когтистых лапах.
и ты жмешься поближе к цивилизации,
как призрак утки к ружью в чехле.

***

прекрасное озеро,
недоеденный рассольник неба
с отражениями деревьев.
что соленому огурцу, мелко порубленному, подобны.
и небольшой опрятный замок —
брелок с ключами звонких птиц,
сжимает пространство волосатыми пальцами
лугов.
и, наверняка, в том замке живет
маленький великан,
вежливый и причесанный, как смотритель в музее.

***

пасмурный день – больные глаза старой кошки.
и катаракта медленно

расплывается в ее зрачке,
точно клякса чернил в ледяной воде.

***

оглянись – за тобой идет волшебник,
и превращает пыль времени в золотой песок.
а трупы времени – в сказочных персонажей.
и придет время, и тебе придется
воскрешать целый мир
по своему подобию и памяти души.

***

звук телевизора раздавил
утреннюю тишину,
раздавил громадную виноградину пяткой.
утро...
книга жизни открыта на первой странице.
а там предисловие стрижей, кружащихся в окне,
и вареное яйцо на кухне,
точно знак авторства.

***

осень.
парк на грани вымирания.
и бестолковое великолепие облаков печально:
кто-то смывает краски с картины в рукомойнике
под холодной водой.
очень.
мир упражняется в смерти.

делает икебану из пустых скамеек
и мертвых листьев.
и дорога провисает в лужах,
в подтеках времени.
и ты идешь сам по себе,
как стрелка без часов.

***

было что-то нервное в ее взгляде,
словно мышка в мышеловке выжила,
но не может выбраться.
с ушибленным хребтом,
чтобы не умереть от голода,
грызет остекленевший кусочек сыра.

***

они смеются и бегут под дождем, взявшись за руки.
их одежда в крапинках дождя:
на них напала сыпь призрачности,
оспа привидений,
и они пятнышками превращаются в невидимок.
фантомы влюбленного июля.

***

и когда человечество закончится —
не фильм, а закончится сериал
без главных героев,
и пойдут титры – миллиарды фамилий
мелким шрифтом

по звездному черному небу – сверху вниз.
гипнотический водопад закорючек —
я захочу отыскать наши имена.
чтобы знать, кем мы были.
на самом деле.

***

а вечером пошел град.
зубная фея разбрасывала пригоршнями молочные зубы
всех детей мира.
бездомная собака пряталась под грузовиком
и хитро выглядывала из-под него,
как лиса в норе.

***

бенгальские огни пушисты и ручны,
словно искрящиеся щенки огня.
они приятно покусывают пальцы хозяина.
искрящееся манто
праздничности.

***

пьяная прозрачная ночь,
как аппликация из тысяч стрекозиных крыльев.
принцесса отравилась сказкой (самопал),
и ее тошнит
под уханье
дискотеки.

***

сумерки быстро опускаются на землю
фиолетовыми парашютистами...
и старая яблоня запуталась
в стропах

***

любовь человека проваливается сама в себя
и строит в темных эмпириях мозга
висячие города,
сады, светящиеся водопады.
там по ночам пищат и воют,
сверкая шестью глазами,
голодные химеры.
и девы, раскачиваясь,
читают жуткие необитаемые стихи.

***

на ночь мир погружается в тишину,
как меч – в ножны,
бархатные изнутри.
так перо в чернильницу окунает свой клюв;
и душа покрывается
блуждающим лишаем
сновидений.

***

жизнь – это сон,
похожий на разломанную птичью скорлупу,

испещренную крапинками кошмара.
ангел уже вылутился и улетел
бороздить эмпиреи,
и радовать Бога, будто верный спаниель
охотника в высоких сапогах.

***

в окно заглядывает луна, как китайка в колодец.
тушь потекла – размытый ливнем сад,
цветы с испорченными прическами.
однажды я сделал из книги гриб – одним движением,
и перепонки страниц шелестели...

***

книга – свеча
из человеческого жира,
писатель добровольно перетапливал свое время
в страницы.

***

весенний лес
привлек нас чехардой из пустых обещаний.
и апрель, как приемщик посуды, закатив рукава,
орудовал ершиком.
прочищал глотки певчим пространства,
не жалея ни воды,
ни моющих средств.

***

только имя осталось твое,
словно нитка от воздушного шарика.
а на шарике нарисован целый мир,
с прогулками в парке и танцами за рулем.
но прошёл год, и шарик сдулся,
и мир увял.
он стал похожим на слепую кишку.
сморщенный пупок
воспоминания.

***

мне достаточно для счастья
нескладной горсти слов.
троллейбуса, перебирающего вечернее небо,
точно слепой с палочкой
или Чарли Чаплин
с тростью.

***

письма любят огонь —
для писем гниение хуже смерти.
так для самурая позорно стать крестьянином
или сбежать.

***

тюльпан похож на девушку,
что снимает красное платье через голову.
без рук, с обнаженной грудью,
с напряженным лицом,

в глубоком шелковом колоколе.
есть в цветах что-то милое и дурацкое.
шарм, отделенный от шрама, шарманки.
естественная неуклюжесть глупости.

***

самолет ползет в ночном небе.
четко мигает хвостовыми огнями,
вот-вот заденет крылом фарфоровую луну.
но я вижу совершенно другую картинку.
девушка продает серьгу с рубином в ухо,
чуть склонила голову и замерла.
не может защелкнуть застежку,
ее рот приоткрыт
и виден кончик языка.

***

станции метрополитена полны стрекотания
человеческих мыслей, полны стрекотания
голодных большеглазых стрекоз.
и глаза людей в переходах
быстро налипают друг на дружку,
точно икринки.

***

метрополитен – водохранилище толпы,
с песчаными отвесами.
и сквозь них кальмарами вылезают
корни сосен

и слепнут на солнце.

***

по ночам нам снится счастье,
оранжевое, как апельсины.
а к утру остается капризный запах
апельсиновой корки.

***

твоё «я», как свеча.
и ее кто-то бросил в костер мира.

***

сумерки болтаются на плече
волшебной сумкой.
и в нее можно спрятать целый проспект
с прогуливающимися парочками
(ягоды вишни срослись
рожками сознаний).
и даже целый железнодорожный состав с автором,
едущим к морю на верхней полке.
словно раскрытая книга, глядящая в окно,
сама себя не читающая.

***

ночь.
город спит, вздрагивает во сне машиной
или дежурным трамваем, светящимся изнутри.
огонек в стеклянной кишке.

город спит,
моргает квадратиками окон.
и дворовые псы
цепляются вязальными крючками тягучего лая
за шерстяные нити Млечного пути.

***

просыпаясь, ты вытягиваешь за цепочку пробку
из ванны сновидений.
и на целый день к тебе прилипают
иррациональные волосинки,
и до самого вечера остаются
на эмали.

***

жгут листья и дым тянется.
тянется глыба дыхания прозрачного дракона,
невидимого нам.
ведь осень – шапка-невидимка для мира.
и ветер тычется мордой в развешенные простыни,
словно в незастывший гипс.

***

есть в дуэли нечто романтическое:
пригласить смерть на свидание
в парк.

***

аптека – зоомагазин смерти, где

люди покупают корм
для домашних болезней.

***

века подвешены в воздухе
высушенными колодцами.
заглядываешь туда,
и волосы на голове шевелятся.

***

люблю прогуляться по набережной,
пройтись по загнутому краю
двойной бездны.
(«пляж – заячья губа» шутила ты)
и наблюдать,
как волнуется море, волнуется живой бульон
с всеядными и хищными глаголами.
вот так, гуляешь вдоль охающей бездны,
и закат блестит помадой
на краю бокала.

***

за полночь...
они лежали в кровати
и тихо переговаривались:
две свечи,
сплетенные телами,
едва касаясь сонливыми огоньками.

***

из чего состоит мир?
из уставшей девушки в супермаркете на нарезке колбас?
и ты проходишь сквозь
ее остановившийся взгляд,
с тихим омутом,
проходишь сквозь пустой дельфинарий.
можно ли назвать свободное падение
в бездну
задумчивостью?

***

«А» и «Б» сидели на трубе,
восхищаясь рассветом.
и когда «А» посмотрит на дочь,
то увидит портрет «Б» в юности.

***

маленькая девочка проносится мимо на роликах
с глазами мученицы:
нежно розовые мешки под глазами —
плакала, не выпалась?
куда же тебя уносит, детка?
однажды ты, возможно, выйдешь замуж за моего сына,
но никто никогда не узнает, что я видел тебя.
даже я не узнаю.

***

запах росы похож на тусклый запах

винограда.

поляна только что приняла душ
и мокрые волосы ее полны зевающих насекомых.
а она, знай себе, напевает песенку,
плавно стрижет горизонт стрижами
и велосипедистом вдали,
как маникюрными ножницами.

***

поцелуй на прощанье —
так хирург целует надрез, сделанный им же.

***

и холод жгутом перетягивает
сине-бледную руку воздуха,
ждет, пока проступят вены
голых ветвей.

***

вот и письменный стол.
фруктовый нож лежит рядом с клавиатурой.
автор ел хурму и оставил нож,
чем создал жесткое впечатление операционной,
и даже пресловутой картины:
«извлечение камня глупости».

***

а за окном первый снег улегся,
словно ягненок в траве.

но завтра утром его зарежет Авраам
во славу Господню.

***

весна пришла к нам,
и распустила власяницу лучей,
обнажила красивую грудь в веснушках.

***

а ангел, тем временем,
плывет вне времени.
и от скуки заводит себе чье-то Я,
будто мальчишка – домашнего хомячка.
он гений?
нет, его просто хорошо кормят.

***

когда нечего писать,
старенькая муза по инерции штопает
рваные носки черновиков.

***

Вселенная, как заноза
в чьей-то невидимой плоти...
может быть, мы страдания
проснувшегося Бога?

***

весна, как разбитая ваза династии Минь.

и осколки заматает под кровать
нашкодивший королевич – дворник Васильев.

***

можно взять кастрюлю горячего борща,
вылить ее в аквариум,
и смотреть на реакцию рыбок.
чем не имитация революции
в домашних условиях?

***

мы с удовольствием проходимся
по раскаленным углям.
прыгаем со скал или уходим в пустыни,
если после этого можем заставить других
пойти за собой.
мы любим быть первыми —
даже первыми ступенями на лестнице
в бездну.

***

тюльпаны раскачиваются под ветром,
качаются загипнотизированные кобры
с красными капюшонами.
весна обманывает целый мир:
все будет хорошо!
все будет хорошо!

***

он нашептывал нежные слова на ухо,
словно дышал на заиндевшее стекло в автобусе.
чтобы пропотеть окно в другой мир,
наблюдать за домами,
сардельками пейзажа.
знать где ты сейчас.

***

туман в моей голове отзывается на женское имя,
которое начинается с голубого обрыва.
затем рычит старый ленивый тигр.
и красная машина,
похожая на пузатого жука,
уезжает в концентрированный арочный туман
букв.

***

ожидание: ты – разлапистая весна...
капризная грудастая богиня в ластах.
ты пришла в город, и теперь нужно ждать,
пока растает весь снег, все льдины, ундины и сосульки.
а мокрые деревья, точно стыдливые великанши
после душа,
еще закутаны в необъятные полотенца
утренних туманов.

***

вонючий заливчик не шевелится,
точно застывшая заливная рыба – отключили свет,

и холодильник мира разморозился.
разморозился фруктовый морг июля.
и жаркое лето, как школьные поделки деревьев,
овощей и фруктов из спичек и пластилина,
плавится на солнце.

***

посещение исторического музея —
это как лазить через гильотины эпох,
а лезвия давно и намертво заклинило.
но все равно холодок пробегает по шее,
пробегает хромой гном с кульком льда.

***

унылое поле с тыквами в сентябре.
желтый Ленин свернулся в позе зародыша,
размноженный во множестве на грядках.
тысячи тысяч восковых вождей
спят чутким сном.
ждут утробного зова,
пробуждения голодной химеры.

***

вот старый ржавый трамвай,
похожий на потухшую сигару.
утро прохладно
и трава в росе точно зеленые готические раковины
с хрупкими жемчужинами.

***

после дождя весеннее небо
пахнет квашенной капустой, свежестью.
и птицы, как фигуристы при пустых трибунах.
отрабатывают номера, движения, снова и снова,
до вальсирующего автоматизма.
а весна, как девица, давит прыщики
перед зеркалом талой воды,

***

кусочек пенопласта напоминает запах розы,
и запах плотно облеплен
крошечными ноздрями, как тлей.

***

ветер глодал облака,
глодал кости с шелковым отливом.
а в это время мальчик играл на балконе,
играл на скрипке семилетний мальчик,
подложив под подбородок толстый платок.
и веснушки бегали по смычку
с лица на скрипку и обратно,
и маленький снайпер стрелял из Паганини
в самое сердце Вселенной.

***

раннее утро на даче.
она ощущает холодный линолеум под босыми ногами,
словно между пальцев ее ног

кто-то засунул живых
прохладных рыбок.

***

как в фильме ужасов.
на протяжении всей жизни рядом с нами
бродят безмолвные, глубокие
и еще не ожившие существа.
иногда ты случайно касаешься их,
и думаешь – это лишь ветер.
иногда они дотрагиваются до тебя и думают —
это только человек.

***

когда опаздываешь,
на стыках мгновений выступает
сукровица времени.
ты ее слизываешь и на вкус она —
березовый сок.

***

ночная природа.
любовники на лугу
с завязанными темным шелком глазами,
на ощупь ласкают друг друга.
в то время, как хищная птица раздирает
мощным клювом полевку,
а кузнечика зализывает до смерти
желтая лунная жаба.

***

сумрак в летнем парке
подобен маленькой голубой акуле.
она заблудилась, потерялась в мятных затоках вечера,
и ищет выход в открытое море.
она шнурует по аллеям, рыщет под скамейками.
опрокидывает урны в поисках остатков хот-догов,
и царапает плавниками ноги
ойкающих парочек.

***

близорукость Бога.
мир, как большой цыпленок с завязанными глазами,
клюет наугад.

***

жизнь интересно устроена:
бесконечно сложная вещь одновременно
и бесконечно
проста.
аромат кофе похож на негритенка с рогаткой в руках:
целится тебе в сердце,
кривит толстые губы в ухмылке.

***

ущипни мир.
может быть, ты ему снишься...

***

ветер свистит
в серебряный свисток заснеженного поля.
пугает нас, топчет необъятной слоновьей ногой.
так ревет стеклянный мамонт.
а мы идем не спеша, обнявшись,
будто два белых улья.
и безумные снежинки вместо пчел
кружатся вокруг нас.
и любовь – лепесток неприкосновенности —
спасает нас
от вьюги.

***

скупающие вороны
гуляли по поляне зимнего парка.
это гуляли души проклятых почтальонов,
что посмели вскрыть и прочитать
чужие
любовные письма.
а вниз спускались гаражи —
мрачная череда пронумерованных мышеловок.

***

начался прилив сновидений,
пришла мерцающая легкость.
словно дождь в невесомости,
когда капли утрачивают идею дождя
и образы о тебе дрейфуют лепестками роз

по широкой реке,
и их уносит течение.

***

сомнения похожи
на пустые танцплощадки под утро в осеннем Крыму.
и ветер, как порванные четки, перебирает листья —
(а сколько их набилось в пах скамейки?),
скамейки расставлены по периметру буквой «п»,
и сереющее небо-наждак
затирает зернистый свет фонарей.

***

стройка длится уже год.
и выглядит она, точно лоботомия пейзажа.
цивилизация покрывает мир технологической жутью,
как неоновой плесенью.

***

старенький сквер со столом и парой скамеек:
состарившийся сявка, пошатываясь, присел на корточки
и солидно сплевывает стук домино
сквозь летний вечер.

***

после нее остались две вещицы:
крем для загара
и зачитанная книжица в мягком переплете.
книжица с раздвинутыми страницами,

ТОЧНО ШЛЮХА-МНОГОНОЖКА

***

вот простой пригородный пейзаж:
комбайн массирует пшеничное поле,
а вдоль дороги проезжает велосипедист —
сгорбленный муравей
(усики торчат сквозь сетку в бейсболке).
и два катящихся погнутых кружка лимона,
высохшего до стеклянистой прозрачности.
на солнце этот образ особенно
кислит.

***

«послезавтра» – туман времени
на другом берегу.
завтра мы возьмем лодку
и переправимся на другой берег.
а сегодня будем смотреть,
как камыши тушуют небо,
осеннее рагу.

***

есть жестокая сладость – жечь черновики.
ты на время избавлен
от тяжелой муторной ноши несовершенства.
ты снял королевские гири с плеч.
а недоношенный стих огненной ящеркой
корчится в пустоте.

***

вижу тебя – ты идешь сквозь сентябрь,
сквозь живые сквозные картины...
паришь над огненной лавой кленовых листьев.
ты элегантно и бесшумно сходишь с потолка
по надувной лестнице тишины.
ты останешься во мне,
как живая букашка в живом янтаре.
навсегда-навсегда.

***

вот и осень ворвалась
в пустой дворец: никого.
а на детской площадке болтаются качели
сами по себе,
как сорванный ошейник ветра.

***

я держу золотые соты памяти —
генетической и лирической,
с капельками меда и ртути внутри.
и каждая капля – это чья-то жизнь,

***

я спускаюсь в метрополитен времён.
схема метро напоминает позвоночник города.
судя по схеме, город – трехголовая ящерица,
или спора сибирской язвы.

что – без разницы.

***

прямо по курсу – незнакомая планета
в летнем голубом платье.

тонирующая статуя в бумаге,
ее серые глаза.

она впустила мой взгляд – в серые пещеры,
а я, сам не ожидая, ворвался в них
трепещущей стаей нетопырей.

этот миг вобрал в себя невозможное.

я выиграл в лотерею разводных мостов.

летающая пуля зависла над головой

и спросила меня:

«можно?»»

***

срез бескрайнего океана...

а там, а там —

мертвые небоскребы клубятся в бездне под нами,

косяки сонных рыб замерли над проспектом,

как подростки с листовками.

и церковь, точно космический корабль, покрытый илом.

и грациозно проплывают лица-медузы.

люди, которых мы когда-то любили...

***

целовались под летним ливнем.

две влюбленных амфибии решили взобраться

по крутящимся сверлам воды
на самое небо.

***

из перламутровой пелены
идут сны мне навстречу,
как американские пехотинцы в пустыне.

***

а женщина с лейкой в окне поливает цветы,
безмятежно и медленно, будто на свете
не было войн никогда.

***

мысли о смерти – черные жучки
в гречневой крупе.

***

нет вдохновения.
и только голая ветка болтается за окном:
рука старика,
за жизнь не написавшая ни слова.

***

я сохранил к тебе самые нежные чувства,
как красивые хвостики ящериц,
что сбежали.

***

и мы по музыке идем, обнявшись, не спеша.
как босиком по вялым клавишам прибора
когда-то выдуманного моря.
смотри на чаек – это блохи неба.
они кусают море, облака.
и не кончается строка,
пока мы вместе...

***

слоненок у водопоя весь в грязи блестит.
так блестит кувшин из свежей глины,
капризными кругами
рождающийся в пальцах гончара.

***

сплетение судеб.
судьбы, как разноцветные проводки,
ведут к одной бомбе.

***

двадцатое столетие вздрагивает и икает,
будто гигантский парализованный удав.
от жадности он проглотил сто миллионов кроликов,
и страдает от несварения.
отрыгивает хунтой.

***

самоубийство – фальшивая дверь.
пасть монстра в форме выхода из проблемы,

где вместо дверной ручки – желтый клык.

***

дети греются на зимнем солнце, поеживаются.
для них прошлое и будущее —
это две стороны одной и той же монеты.
им неважно, что выпадет – «орел» или «решка»?
они играют и ждут,
когда мы возьмем их за руки.

***

проспект им. Маньяка
после ливня пахнет массовыми расстрелами
и квашеной капустой.

***

мертвые осы лежат под столиком в кафе,
словно жертвоприношения арбузу.
ты куришь, весело болтаешь.
а я цежу вино
и весело внимаю легчайшей чепухе
на крылышках помады,
как жрец, принесший в жертву летний вечер.

***

она выскочила из-под одеяла
вся обнаженная,
вся какая-то сияющая, точно вертикальный сон.
она тащила его за собой,

набросив лассо из плоти и глаз.

***

пьяная муха плавала в бокале вина

и думала:

«я такая, такая меланхоличная».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.